

А.Е. Виноградов

Этническая история Центральной Европы VII–VIII вв. в свете надписей Надь-Сент-Миклошского клада

Несмотря на более чем два века исследований, не утихают споры вокруг происхождения и значения руноподобных надписей на предметах раннесредневекового клада, найденного близ г. Надь-Сент-Миклош (Австро-Венгрия, Румыния). К настоящему времени возобладали концепции их восточного, кочевнического происхождения. Однако внутренние противоречия этих концепций, их несоответствие археологическим и другим источникам заставляют вновь поставить вопрос о возможности центрально- или западноевропейского генезиса письменности и языка рун из г. Надь-Сент-Миклош. Анализ имеющихся данных, новое прочтение имеющихся текстов показывает, что это мог быть язык местного романизированного населения.

Ключевые слова: Надь-Сент-Миклош, тюрки, Аварский каганат, Византия, Дакия, руны, торевтика, североиталийские алфавиты, Ф. Курта

A. Vinogradov

Ethnic history of Central Europe of the VII and VIII centuries in the light of the inscriptions from Nagyszentmiklós treasure

Despite more than two centuries of research, disputes around the origin and significance of rune-like inscriptions on objects of an early medieval treasure found near the town of Nagyszentmiklós (Austria-Hungary, Romania) do not

cease. Today, the concepts of their Eastern and Nomadic origin have prevailed. However, the internal contradictions of these concepts, their non-compliance with archaeological and other sources forced to re-raise the question of the possibility of Central or Western Genesis of writing and language runes from the city of Nagyszentmiklós. Analysis of the available data, a new reading of the available texts shows that it could be the language of the local Romanized population.

Key words: Nagyszentmiklós, the Turks, the Avar khanate, Byzantium, Dacia, runes, tureutics, Northern Italic alphabets, F. Curta

В 2019 г. исполняется 220 лет находке золотого клада близ г. Надь-Сент-Миклош (Sânnicolau-Mare, совр. Румыния, далее – НСМ). Несмотря на солидный период изучения находки, далеко не все проблемы, связанные с ней, удалось решить. Между тем расшифровка надписей, сделанных на ряде вещей клада, имеет важное значение для этнической истории среднедунайского региона раннего средневековья, о которой осталось крайне мало письменных источников.

Большинство указанных надписей относятся к руническому или руноподобному типу. Ф. Дитрих и вслед за ним Й. Хампель считали эти руны, в основном, германскими (гепидскими или готскими) [45, р. 199–205; 48, р. 66–67]. Существовали и другие версии, например, согласно которым алфавит НСМ – вариант византийской тайнописи, а язык, соответственно, греческий [65]. В XIX в. были попытки расшифровать часть надписей с помощью старославянского языка [36, р. 141].

Однако в начале XX в. в поисках возможных истоков указанного письма взоры исследователей, в основном, обратились на Восток. Известный венгерский лингвист Ю.(Д.) Немет считал надписи уже печенежскими [57, р. 3], а его соотечественник А. Рона-Таш и румынский специалист В. Спиinei – аварскими [59, р. 6–9; 60, р. 184], ряд других ученых – болгарскими [47, р. 254].

Значительная часть венгерских ученых придерживается мнения, что лишь отдельные рунические надписи НСМ – тюркские, а основная часть написана преимущественно на венгерском языке, возможно, с отдельными славянскими и аланскими словами [49, р. 152–162]. Г.Ф. Турчанинов считал их целиком аланскими [27, с. 131–136], схожей позиции в последнее время придерживается О.А. Мудрак [23, с. 370–377].

Остается вопрос, почему была так легко отброшена условно «западная» версия. Ю. Немет признал, что, например, германские руны действительно «имеют в основном те же характеристики, что и н а ш и (т.е. НСМ, разбивка в тексте. – А.В.) руноподобные надписи». Но тут же, не вдаваясь в разъяснения, добавил: германские знаки «не имеют ничего общего» с НСМ, поскольку это «исключает техника» письма [57, р. 5].

На самом деле разъяснение, очевидно, кроется в том, что со времен Дитриха и Хампеля было открыто множество руноподобных знаков на юге Восточной Европы и в Центральной Азии. Некоторые знаки НСМ, как обратил внимание еще в начале прошлого века Н.Е. Макаренко, имели сходство с символами из новонайденных надписей культуры, позже названной салтово-маяцкой (далее – СМК) [18, с. 27].

Поскольку научные представления об этнографии указанных регионов в эпоху раннего средневековья не позволяли ассоциировать их письменную культуру с германцами, внимание исследователей обратилось на этносы, зафиксированные источниками на широком пространстве Евразии, прежде всего, тюркские.

Не случайно сам Ю. Немет особо отмечает важность с точки зрения понимания знаков НСМ факт открытия «хазарских» надписей в Подонье и Поволжье [57, р. 1]. А.М. Щербак отмечал сходство одних «донских» знаков с некоторыми символами НСМ, других знаков «полностью или частично» [33, с. 271] – с орхоно-енисейскими рунами. И хотя тут же отмечал своеобразие «донской» письменности по отношению к древнетюркским алфавитам Азии [Там же], фактически речь шла о некоем едином письменном пространстве.

Так, И.Л. Кызласов дает определение «евроазиатская» указанной письменности, представленной памятниками от Енисея до Дона, и пишет: «их единство, вероятно, заключается в принадлежности к одной языковой семье – тюркской» [17, с. 236]. Д.Д. Васильев отмечает «общую типовую близость» письменных рунических и «руноподобных» памятников от НСМ, Маяцкого городища до алтайско-енисейских надписей (все перечисленные, на его взгляд, относятся к тюркским) [8, с. 30–43].

Однако указанная версия имеет немало недостатков. Первый переводчик древнетюркских текстов В. Томсен, в частности, отмечал, что алфавит НСМ «не имеет никакой прямой связи с руническим древнетюркским письмом... сходство в действительности есть лишь у ограниченного числа знаков достаточно простой формы, которые находятся также во многих других алфавитах» [62, р. 10]. Действительно, многие знаки древнетюркского алфавита очень близки, например, к германским руническим символам [46, р. 314], однако наука не говорит об их прямой связи, тем более что фонетика этих знаков кардинально различается.

Попытки связать НСМ с алфавитами, производными от древнетюркского, также вызывают возражения. Группа знаков НСМ не имеет даже приблизительных аналогий в памятниках раннесредневековой Болгарии (Плиски, Преслава, Шумена и др.), что предполагает их небулгарское происхождение [63, р. 268]. Имеющиеся «булгарские»

или «печенежские» переводы НСМ в значительной степени представляют не связанные с назначением предметов и изображениями на них фразы «он готов», «от своего раба» и т.д., набор личных имен (Ваšав, Вуџла, Ђабан и т.д.) [38, р. 293–297; 57, р. 36] или комбинацию того и другого: «выгравировавший эту ценность, имеющую дарственную резьбу, – Акай», «Собэн настолько славен. Дарственная резьба (гравюра)» [4, с. 87–88, 110, 115].

Датировки вещей и надписей клада НСМ в значительной мере определяются тем, к какой культуре их относит тот или иной исследователь. Так, Н. Кондаков и В. Томсен связывали клад с болгарскими, а поскольку ряд вещей клада имел следы влияния христианского культа, их отнесли ко второй половине IX в., периоду крещения болгар [56, р. 5]. При этом сторонник печенежской версии Немет склонен относить клад НСМ к концу IX в., поскольку в дешифрованных, по версии ученого, надписях встречаются антропонимы Бойла и Чабан, соответствующие известным около указанного времени личному имени и названию одного из родов печенегов [Там же, р. 9, 21].

В свою очередь, Г.Б. Федоров и Л.Л. Полевой отнесли часть предметов НСМ к византийским IX–XI вв. в контексте рассказа о восстановлении византийского влияния в Подунавье со второй половины X в. [29, с. 325].

На наш взгляд, есть более объективные критерии датировки рассматриваемых надписей, связанные с изображениями клада НСМ. Их культурное разнообразие очевидно: помимо указанных следов христианского культа, есть и признаки дионисийской традиции [13, с. 138–143], присутствуют и традиционные иранские мотивы. Последние имеют определенный временной интервал. Так, находки иранских сосудов с наиболее точными аналогами изображения «Орел, уносящий женщину» на сосуде № 2 НСМ исследователи относят к сасанидскому времени [24, с. 54–57; 26, с. 8–9], к первой половине VII в. [32, с. 217, 235]. К поздне-сасанидскому (VI–VII вв.) относятся и аналогии с чуть другим сюжетом на сосуде № 7 (птица, уносящая в когтях женоподобного юношу) [Там же, с. 143].

О том, что вещи НСМ были изготовлены ранее IX в., свидетельствует отсутствие стремян на изображении коня и всадника (сосуд № 2). По крайней мере, в IX–X вв., за исключением грубой торевтики с отсутствием тонких линий, на изображениях кочевников или всадников, сделанных самими кочевниками, уже видны стремяна [5, с. 109; 25, с. 266, 269]. На самом деле, это азиатское новшество появилось в Европе еще раньше. Византия при появлении на своих границах авар в конце VI – начале VII вв. познакомилась с этой деталью конской упряжи [2, с. 81, 91].

Историк искусств Б.И. Маршак констатирует, что стремена в VII – начале VIII в. «были распространены уже очень широко в Европе и Азии» [19, с. 8].

На сравнительно раннюю датировку указывает и одеяние пленника на том же сосуде № 2. Его доспехи характеризуются как римские, с выводом, что речь идет о франке, плененном кочевником [12, с. 273]. Действительно, германцы, в т.ч. и франки, перенимали многое из римской защитной амуниции. Однако отсутствие шлема, а также ножных лат (осгеа) на пленнике, не говоря уже об обуви, вызывает аналогию только со сравнительно ранними описаниями тех же германцев. Так, Агафий Миринейский во второй половине VI в. видел франкских воинов почти исключительно с незащищенными головами и ногами [35, р. 36–37]. Известно, однако, что амуниция германцев далее совершенствовалась. Так, византийский хронист Павел Диакон, описывая впоследствии события 689 г., отмечает «шлем и латы» у лангобардов, по крайней мере, у их короля [58, р. 205].

Все это указывает на период, предшествовавший появлению в Среднем Подунавье болгар и возможному проникновению туда печенегов. Если исследователи датируют тюркские рунические находки в самой Болгарии по времени включения конкретных территорий в состав державы Крума [63, р. 266], то, по той же логике, «болгарские» руны могли появиться в районе НСМ также лишь при включении их в указанную державу, т.е. не ранее 803 г. Печенеги дошли до восточных ворот Центральной Европы определенно еще позже [6, с. 220–221].

Мало того, не только болгарская, печенежская, но и вообще тюркская руническая письменность едва ли могли появиться на Дунае в обрисованных временных рамках. Согласно В. Спиinei, тюркские руны впервые были засвидетельствованы в VIII–IX вв. в южной Сибири и Средней Азии [60, р. 185]. По А.М. Щербаку, они появились, во всяком случае, на Енисее не ранее начала IX в. [34, с. 93]. Тюркская письменность Средней Азии если и возникла чуть раньше, то до этого времени была мало отличима от своего «прародителя» – согдийского письма [15, с. 48–49]. А перенос этой новой письменной традиции в Центральную Европу занял бы немало десятилетий, и эти соображения дали, например, А.М. Щербаку повод сомневаться в тюркском происхождении некоторых ранних карпатских рун [34, с. 96].

Аланская и венгерская версия рун НСМ также имеют немало слабых мест. Аланы появлялись в Среднем Подунавье сначала вместе с гуннами, затем уже в монгольскую эпоху, однако нет надежных сведений об их существовании в указанном регионе в раннем средневековье. Попытки аланских прочтений письмен НСМ не более убедительны,

чем тюркские версии, представляя набор личных имен и характеристик, не связанных с исследуемыми предметами или даже противоречащих содержанию последних. В качестве примеров: *Ут, аланский каган, нагский селянин* [27, с. 137] или (на роскошном золотом блюде) *найти бы мне (как) случайность кувшин и пирог с салом!* [23, с. 374].

Венгры (мадьяры) появились в Карпатском бассейне, согласно общепринятой версии, только в конце IX в. Их письменность рунического типа была заимствована у тюрков [49, р. 11, 13, 24], что также не говорит в пользу венгерской версии по указанным обстоятельствам времени.

Таким образом, из всех кандидатов во владельцы клада НСМ и претендентов на авторство его письменных знаков реальными представляются только авары. Если отбросить тюркскую версию их происхождения, то остаются предположения об их иранской, тунгусо-маньчжурской, монгольской, угорской [22, с. 351–359] принадлежности (соответствующим образом объясняются и некоторые надписи НСМ [31, с. 4, 10]).

Во всяком случае, содержание клада НСМ соответствует реалиям взаимоотношений авар и соседних с ними государств. Аварская элита в конце VII в. «почти исключительно следует византийской моде» [44, р. 67]. С другой стороны, в конце VII–VIII в. в Аварском каганате существовало собственное производство украшений, сочетавшее византийский и восточный (грифоны и растительные побеги) стиль [29, с. 291]. (Поэтому нельзя исключать производства и части сосудов НСМ недалеко от места находки, в Придунавье).

С другой стороны, объяснимо и появление вещей византийского производства в составе клада НСМ. Некоторые венгерские исследователи полагают, что сокровища клада могли быть небольшой частью (около 1%) от огромной ежегодной дани, уплачиваемой Византией аварам. При этом часть сокровищ могла быть изготовлена из византийского золота уже в самом каганате мигрировавшими туда греческими ремесленниками [59, р. 6–7]. Примечательно, что наибольшее сосредоточение кладов византийских золотых монет к северу от Дуная (в основном, 610–685 гг.) приходится на компактный район непосредственно рядом с НСМ [42, р. 180]. Христианские мотивы (крест) в некоторых вещах НСМ также объяснимы через эту версию: известно, что в 613–622 гг. император Ираклий изымал церковные сокровища для уплаты дани «варварам» [Там же, р. 67], (судя по времени, аварам).

Но может быть, датировка VII–VIII вв. относится только к самим предметам клада, а надписи, которые нас интересуют больше всего, были нанесены позже?

Это предположение следует проверить, сравнив знаки НСМ со схожими памятниками того времени на артефактах Аварского каганата,

датировки которых более-менее установлены. Так, руны на игольнике из Сарваша (юго-восток Венгрии) так напоминают символы НСМ, что некоторые исследователи говорят о едином НСМ-Сарвашском алфавите [37, р. 20; 49, р. 148], их относят ко второй половине VIII в. [49, р. 148]. В ту же группу включают и надписи на накладке боевого лука из Кискундоросмы (Kiskundorosma, юго-восток Венгрии, недалеко от НСМ) [61, р. 375, 392]. Большинство вещей из этого могильника исследователи датируют концом VIII в., небольшую часть началом IX в. (в любом случае подчеркивая их принадлежность аварам) [Там же, р. 383–384].

Мало того, некоторые из более ранних надписей т.н. Карпатского бассейна, в особенности надпись первой половины VI в. на фибуле из Aquincum (в черте современного Будапешта) [52, р. 226], основными начертаниями тоже близки знакам НСМ и СМК, что, на наш взгляд, позволяет говорить об их общем и явно нетюркском генезисе.

Все это свидетельствует в пользу того, что загадочные надписи, если и появились на предметах НСМ позже их изготовления, то также не выходят за верхнюю рамку VIII в. Это совпадает с датировками многих исследователей [49, р. 153; 59, р. 6–9] и с периодом господства на Дунае Аварского каганата.

Однако говорит ли это о том, что надписи НСМ сделаны именно на аварском языке? Вопрос риторический, т.к. неизвестен ни сам этот язык, ни памятники его письменности на любом из предполагаемых маршрутов аваров в Центральную Европу. Так или иначе, эти маршруты начинаются где-то на востоке.

Между тем, как отмечал еще Ф. Дитрих, трудно не заметить сходства алфавита НСМ с совсем другими, западными системами письменностей. С нашей стороны, укажем, что надпись № 7 с сосуда № 6 (рис. 1) очень близка начертаниям надписи на наконечнике копья римского времени из Ковеля (рис. 2). А та приписывается отнюдь не кочевникам, а различным германским или даже иллирийским группам, а часть ее знаков сходна с латинскими буквами [21, с. 90].

Географически представить происхождение знаков НСМ из сердца Европы куда проще, чем с ее окраин или из глубин Азии. Однако надписей НСМ и близких им письмен из Венгрии слишком мало, и они слишком коротки, чтобы надежно установить их возможные связи и расшифровать.

Несомненную помощь здесь могли бы оказать надписи СМК. Как уже отмечалось, они близки НСМ по знаковому ряду, но более длинные.

Вместе с тем, их существующие прочтения с тюркского или других языков вызывают массу вопросов. Семантика предложенных переводов сводится к набору личных имен (например, Элчи, Ата-яч, Бука

[33, с. 274] или Урум, Но, Анбал и Шауши [27, с. 88–89]), или отвлеченной поэзии (*резная надпись, надежды надпись, это – сосуд дома (лежбища)*) [5, с. 68]; *будут ласкать собранными в щепотку кончиками пальцев золотого... жеребенка с пугливым нравом* [23, с. 306]).

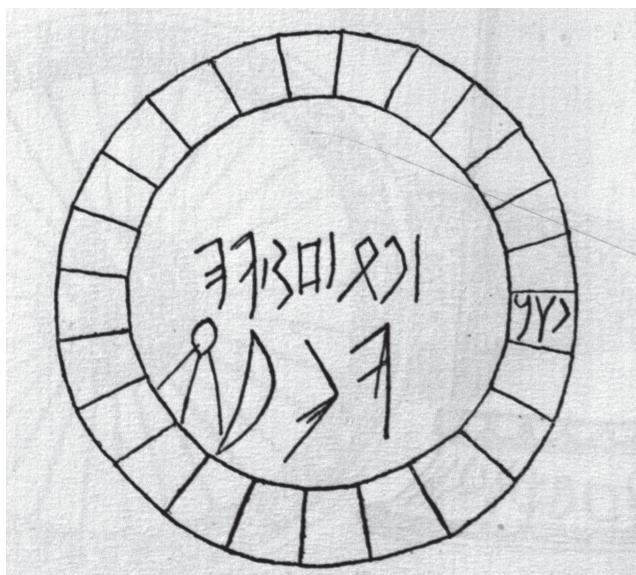

Рис. 1. Фрагмент надписи № 7 на сосуде № 6 из Надь-Сент-Миклошского клада

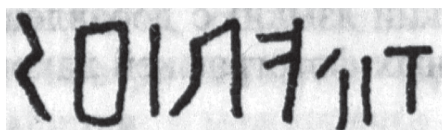

Рис. 2. Надпись на наконечнике копья из Ковеля

А.М. Щербак, хотя и исходил из представления о том, что район СМК населяли преимущественно тюрки, отмечал, что попытка истолковать надписи этой культуры «сведением к известным руническим алфавитам – древнетюркским (орхонскому, енисейскому, таласскому), скандинавскому, печенежскому или венгерскому – обречена на неудачу» [33, с. 271].

При всем том, подборники как тюркской, так и большинства иных версий чтения знаков СМК (как и НСМ) следуют правилам древнетюркской письменности с чтением справа налево. Альтернативы отменяются

без объяснений или со ссылкой на некую криминалистику: «переводы, сделанные слева направо, не учитывались, т.к. они не проходят по базовым принципам графологической экспертизы» [23, с. 299].

Между тем, имеется прямое указание источника, противоречащее указанным версиям. В частности, в своей «Истории генеалогий» Фахр ад-дин Мубарак-шах Мерверудди (начало XIII в.) указывал, что письменность хазар происходит от письмен племени «русов» и отличается следующими особенностями: «Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего – 22» [28, с. 113]. Можно спорить о том, кого в данном случае упомянутый автор, опирающийся на более ранние источники, именовал «русами» (в его представлении это «ветвь народа Рума», жившая где-то рядом с хазарами), но очевидно, что это никак не алтайские или среднеазиатские тюрки, как, впрочем, и не печенеги или болгары.

По примерному количеству букв, а также по наличию заимствований из еврейского алфавита можно указать на хазарское письмо, которое имел в виду автор «Истории генеалогий», – это знаки на кирпичиках Саркела. В свою очередь, эти хазарские знаки Г.Ф. Турчанинов выводил из более ранней письменности Маяцкого городища, относящейся к СМК [27, с. 87, 169–170] (которую он считал аланской).

Мы же предложили альтернативный вариант прочтения надписей СМК, основываясь на близости многих знаков их алфавита к латинским или североиталийским образцам. Полученные слова, на наш взгляд, восходят не к языкам кочевников, а к классической или вульгарной латыни. Семантика надписей непосредственно связана с предметами, на которых они были начертаны – флягами, накладками боевого лука и т.д. [9, с. 92–101; 10, с. 193–198].

Наш опыт транслитерации знаков СМК мы попробовали применить и в расшифровке надписей НСМ, где используется, хотя и не полностью идентичный, но близкий алфавит, с наличием латинских букв и сокращений [9, с. 199–206]. В настоящей статье некоторые символы мы читаем по-другому, чем ранее, что связано с расширением круга исследуемых надписей, прежде всего, за счет прорисей из Кискундоросмы.

Еще Й. Хампель, допуская для отдельных надписей НСМ не германскую, а греческую трактовку, предполагал возможность присутствия там и латинских слов. В частности, знаки N и D на «десертном» блюде – это не загадочные древнетюркские знаки, а вполне узнаваемая латинская аббревиатура: *ND, nomine domini* (Во имя Господа) [48, р. 68, 126]. Такое же допущение в рамках своих версий развивали упомянутый Р. Владар и другие исследователи.

Мы попробовали идти тем же путем, только, в отличие от ряда исследователей, читая исследуемые надписи в соответствии с указанием

«Истории генеалогий» слева направо. Надпись № 7 на дне сосуда № 6, которая, как уже отмечалось, имеет поразительные совпадения с прорисьями из Ковеля, свидетельствует о том, что некоторые предметы НСМ, где бы они ни были изготовлены, на период нанесения надписей доделывались на месте. Латинская транслитерация надписи, по нашей версии, выглядит так:

Ara spic(u)l(a)ri perdoma

справа добавлено еще одно слово: **cum**. На наш взгляд, важно, что это добавление нанесено на краю дна сосуда, между сделанными, видимо, для устойчивости предмета на гладкой поверхности зубцами. Именно к этим зубцам относится, судя по всему и основная надпись: «Заостренное возвышение (зубец?) обработай».

Добавление же «вместе с», видимо означает, что поправить надо было еще один зубец.

В свете этой версии надпись на наконечнике копья из Ковеля (точнее, ее первая часть, выполненная крупными символами), читается на той же латыни совершенно, на наш взгляд, логично:

Spica («острие»).

Но вернемся к НСМ. Схожее с № 6 значение имеет и прорись на чаше № 23: **aequa perdoma** – «ровно обработай».

На наш взгляд, и многие другие знаки НСМ не просто напоминают архаичные и классические латинские образцы, но им и соответствуют. В частности, как считал и Ф. Дитрих, первая литера в одинаковых надписях на чашах с ручками № 15 и 16 – это латинская «В».

Наше прочтение обеих надписей **Bouma** схоже с латинскими лексемами, означающими быка (*bovis*, род. падеж мн. числа *boum*) и с румынским *bovină* «крупный рогатый скот». В этом контексте предметы, на которых начертаны надписи, возможно, не что иное, как ритуальные сосуды, использовавшиеся в различных вариантах древней иранской религии с незапамятных времен. В частности, еще в скифских курганах V в. до н.э. попадались такие чаши, или «плошки». В них собирали кровь или жир животных, часто – быков, затем выплескивая их содержимое в огонь, в жертву богам. Можно предположить, что в глубокие чаши № 13 и 14, украшенные бычьими изображениями, собиралась, допустим, кровь, а в плоские – жир быков или наоборот. При этом первая группа сосудов не нуждалась в письменном «пояснении», поскольку на них были указанные изображения, а вот на бесхитростных плошках надписи были, возможно, необходимы.

Две надписи на кувшине № 5 также свидетельствуют о мультикультурности древних обитателей района НСМ или, по крайней мере, о знакомстве этих обитателей как с западными, так и с восточными религиозными традициями. Надпись № 13, транскрибируемая как **Baccu**, может относиться к дионисийскому культу (лат. *Bachus*, итал. *Vacco* – Вах, Дионис). Однако надпись № 14 на том же предмете напоминает о зороастрийской традиции. Чтение знака «кружок с чертой» как сочетания «о» и согласного («р») приводит к прочтению всей надписи как **zaor**. Это название священного сосуда и также приготавливаемого в нем напитка, традиционного в зороастрийской религии (смесь цветочных эссенций и животного, чаще всего, бычьего жира).

Четыре одинаковых (или почти одинаковых, т.к. разное написание отдельных символов может быть отнесено к ошибкам) надписи на предметах № 7 и 9 (дважды) и 22 также, как нам кажется, говорят в пользу версии о производстве части сосудов где-то недалеко от местопребывания их владельцев.

Natum ad prop(ol). Первая часть не вызывает затруднений, последняя менее традиционна, но обнаруживает сходство с лат. *propola* – «мелкая торговля» или *propalam* – «публично». Возможное примерное значение всей надписи: «сделано для продажи или публичных церемоний».

Что касается самой длинной надписи, сделанной на т.н. «десертном» блюде № 8, то где бы ни был сделан этот предмет, возможно, он отражает взаимоотношения Византии и окружавших ее племен. Византийские дары-награды варварам, в т.ч. в виде драгоценной посуды, именовались по римской традиции *dona militaria* [7, с. 76–77]. В этой связи, как нам представляется, первые знаки *DN* в указанной надписи могут читаться как **D(o)n(um)** или **D(o)n(a)**, т.е. «дар». Следующая лексема **accomat** или сочетание **accom ad** вероятно, образованы от лат. *ac + com* или *ac + com + eo* по типу итальянского глагола *accomiatore* и означают, соответственно, или «присоединять», или «отпускать». **Ram(?)** возможно, связано с производными от латыни корнями *ram-rām*, означавшими «остаток, остальной» (румын. *rāmas*). Последнее слово, повторяющееся в одиночном виде на сосудах № 3 и 4, **morta**, может быть принято в значении «вышедшее из употребления». То есть речь идет о предмете, спясанном из столового набора какой-то важной персоны.

Отметим, что указанная транслитерация по преимуществу сделана во многом на основе уже имеющихся трактовок руноподобных символов НСМ. И речь идет не только о двух уже распознанных ранее латинских буквах. Наше прочтение ряда других знаков близко к версиям тюркологов и специалистов по венгерской рунике. Так, знак **8 Г**. Хоссу

читает как *q* (в нашем понимании это *cu*), а двойное > как *m* [49, p. 304], у нас же *m* – это тот же символ >, только одинарный.

Наше прочтение указанных знаков подкрепляется примерами других надписей, сделанных в аналогичной или близкой традиции. Помимо символов СМК, речь идет о первом и единственном четко сохранившемся сочетании в Сарвашской находке. Два символосочетания дают нам латинское *ora* – «край».

На наш взгляд, и первое слово, начертанное на накладке боевого лука из другого венгерского местечка, Кискундоросмы, также имеет латинские корни и читается как **mordai**. Это соответствует современной румынской лексеме *mordai* (*mordaju*) – «небольшой пистолет», т.е. «жалящее оружие» и ее латинским корням *mordeo*, *mordax* – «жалить, наносить язву». Третье слово из упомянутой группы **m(о) sui**, по нашему мнению, относится к лат. *mitto* – «метать, выпускать» с его производными (*missus*, *misi* и т.д.). Во втором слове, возможно, была допущена инверсия последних двух символов, в правильной же постановке – это лексема **tela**, т.е. «оружие, стрелы».

Мы понимаем, что такое прочтение также вызовет вопросы и нуждается в солидном обосновании. Разумеется, в рамках настоящей статьи можно наметить лишь некоторые пункты.

Письменности НСМ, Кискундоросмы, СМК, на наш взгляд, обнаруживают общие черты не только между собой, но и с упомянутыми надписями из Ковеля, из Aquincum и, пусть в меньшей степени, находками, датируемыми IV–V вв. из Венгрии и Румынии [50, p. 262; 51, p. 93–97]. Во всех случаях знаки напоминают и североиталийские алфавиты, и германские руны, вместе с тем отличаясь от т.н. старшего Футарка.

Эти обстоятельства заставляют нас, в свою очередь, обратиться к генезису германских рун. Согласно широко распространенной версии, создателями этого алфавита были знакомые с североиталийским (ретийским, норикским и др.) письмом кельтские и германские воины на римской службе или купцы, осуществлявшие торговлю на пограничье империи [16, с. 28–29; 53, p. 143–155; 54, p. 33–82].

Использовалась ли новая письменность в Подунавье в конце римского времени только германцами или также остатками кельтов и других этносов – вопрос открытый. Важнее, что происходило с ней в интересующий нас период Аварского каганата.

С одной стороны, очевидна этническая пестрота, царившая в те времена в бывших Дакии и Паннонии. Романское, также как и германское, население продолжало проживать в указанных регионах и под аварским господством, по археологическим данным, сохраняя культурные особенности до 670-х гг. [64, p. 13–46], в некоторых районах до середины

VIII в. [29, с. 290]. Постепенно туда проникали и славяне. Авары присутствовали, в основном, в Паннонии, а восточнее имели постоянное кочевье в долине р. Муреш [Там же, с. 292–293].

В этой связи учеными не раз выдвигалась идея о том, что этот поначалу разнообразный, но постепенно становившийся все более гомогенным этнический массив имел отличный от аварского общий язык, *lingua franca*. В частности, американский историк Ф. Курта вслед за О. Притцаком, Х. Лунтом и другими исследователями полагает, что этим языком был славянский [43, р. 132–148].

На наш взгляд, источники скорее говорят о другом. Еще в V в. римский посланник в гуннскую ставку на Среднем Дунае Приск свидетельствовал, что дружинники Атиллы, составленные из разных народов, употребляют в качестве общего язык гуннов или готов, а в общении с римлянами «язык авсониев», т.е. один из италийских диалектов той же латыни [30, с. 486]. А в конце IX в. мадьяры, вступив в Карпатский бассейн, застали там, помимо славян и болгар, «влахов и романских пастухов» (*Blachii ac pastorum Romanorum*), пасших там стада еще со смерти Атиллы [39, р. 110]. Поскольку о ранее обитавших там германцах, также как гуннах, венгерские хроники не сообщали, можно предположить, что остатки этих этносов к указанному времени слились с романским населением.

Около 865 г. византийский император Михаил III в переписке с папой римским называл латынь языком *варварским* и *скифским* [55, р. 459]. Последнее определение в рамках раннесредневековой географической традиции адресует к народам, занимавшим в т.ч. бывшую Дакию, Гепидию – в частности, именно с нее начинается перечисление западных земель Скифии Иордан [14, с. 71]. То есть в представлении Михаила в IX в. на латыни говорило население практически того же региона, где был позже обнаружен клад НСМ.

Таким образом, *lingua franca* Аварского каганата вполне мог стать дунайский или балканский диалект латыни, что мы и пытались доказать попыткой перевода рунических надписей НСМ. Отдельным вопросом является язык других надписей клада, сделанных разными вариантами греческого письма. Хотя на наш взгляд, в начертаниях на чаше № 21 присутствуют, в том числе, отдельные славянские слова [10, с. 200–201], представляется интересным мнение Е.А. Хелимского, что она в целом написана на тунгусо-маньчжурском языке собственно элиты Аварского каганата [31, с. 3].

Что касается эволюция письменности основного населения Подунавья, то на наш взгляд, она шла за эволюцией его языка. Алфавит, корнями уходящий в Италию, вновь зазвучал по-италийски. Почему в этом

процессе не использовалась классическая латинская письменность, вопрос особый.

Из последующей истории мы знаем, что язык латинского происхождения вообще мог записываться другими алфавитами. Так, балканская латынь в XVI в. получила кириллическую запись (румынский, молдавский алфавиты – последний «кириллизывался» и еще раз, при Советской власти).

Как показывают данные источников и археологии, в Дакии и почти всей Паннонии после ухода отсюда римских легионов и поселенцев традиции латинской письменности, алфавита, в отличие от устной традиции, оказались непрочными. У дунайских народов раннего средневековья, видимо, отсутствовали соответствующие культурные и административные стимулы. Соответствующие находки на указанных территориях крайне редки (Бьертанский дар, датируемый большинством исследователей IV, иногда IV–V вв. [41, р. 254], булавка с латинскими буквами [11, с. 299] и т.д.). Ослабло влияние латинской письменной традиции и в Италии, по очереди переживавшей вторжения то германцев, то византийцев. В соседней Византийской империи к концу правления Ираклия I (610–641 гг.) греческий язык вытеснил латынь на всех уровнях [40, р. 38].

Письменная традиция НСМ, однако, далеко вышла за рамки региона. Близость дунайских рунических знаков письменности СМК может быть объяснена постгуннской миграцией на восток носителей дунайских культур, известной археологам благодаря многочисленным находкам соответствующих вещей, в частности, в Крыму и на Северном Кавказе [1, с. 10–23; 3, с. 46; 20, с. 149–153, 164–168, 179–180]. На наш взгляд, руническая традиция в пределах Центральной и Восточной Европы распространялась в VII – начале IX вв. именно с запада на восток, а не наоборот. Появление же в Европе восточной, возможно, тюркской письменной традиции, по-видимому, относится к более позднему времени.

Библиографический список

1. Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 113. М., 1968. С. 10–23.
2. Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1973. № 4. С. 81–98.
3. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.
4. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989.

5. Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 107–114.
6. Бибиков М.В. Byzantinorossica: свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. М., 2009. С. 220–221.
7. Болгов Н.Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. Н. Новгород, 2002.
8. Васильев Д.Д. Евразийский ареальный аспект руноподобной письменности древних тюрков // Теория и методы исследования восточной эпиграфики. М., 2006. С. 30–43.
9. Виноградов А.Е. Происхождение Руси. Латинская теория. М., 2014.
10. Виноградов А.Е. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М., 2018.
11. Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 273–384.
12. Добрев И. Златного съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. URL: <http://www.academia.edu/31599920> (дата обращения: 28.09.2018).
13. Запорожченко А.В., Черемисин Д.В. Мифологический сюжет на сосуде из Надь-Сент-Миклош // Первобытное искусство. Семантика древних образов / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1990. С. 131–151.
14. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
15. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
16. Колобов А.В. Рейнский лимес и древнегерманские руны // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2010. Вып. 2/14. С. 26–29.
17. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
18. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб., 1911.
19. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
20. Мастыкова А.В. Женский костюм Западного и Центрального Предкавказья IV – середины VI в. М., 2009.
21. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.
22. Митрофанов А.Ю. Аварский каганат как политический феномен языческого этно-религиозного контекста развития христианской ойкумены // Христианское чтение. 2016. № 6 (71). С. 350–370.
23. Мудрак О.А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 15. М., 2017. С. 296–416.
24. Покровский М.В. Новый сасанидский сосуд из Краснодара // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVIII, М.–Л., 1947. С. 51–57.
25. Путешествие Ибн-Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара / Сост. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М., 2016.
26. Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.–Л., 1937.
27. Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
28. Умняков И.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 108–115.
29. Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.
30. Феофан Византиец. История. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005.

31. Хелимский Е.А. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология. Hamburg, 2003.
32. Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI – первая половина IX вв.). Уфа, 2016.
33. Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология: Сб. Вып. XIX. М., 1954. С. 269–282.
34. Щербак А.М. Тюркская руника. М., 2001.
35. Agathios. The histories. Vol. 2A. Berlin – NY, 1975.
36. Albrecht St. Die Inschriften des Goldschatzes von Nagyszentmiklós. (Sânnicolau Mare im Byzantinischen Context). *Römisch Germanisches Zentralmuseum Tagungen*. B. 25. Mainz, 2015. Pp. 135–154.
37. Alonso de la Fuente J.A. Tungusic historical linguistics and the Buyla (aka Nagyszentmiklós) inscription. *Studia Etymologica Cracovensia*. 2015. Vol. 20. Pp. 17–46.
38. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. 5. Berlin, 1969.
39. Anonymi Belae reges notarii de gestis Hugarorum. St.L. Eudlicher. Viennae, MDCCCXXVII.
40. Browning R. The Byzantine Empire. Washington, 1992.
41. Chrzanovski L. A nouveau sur le donarium de Biertan. *Archäologische Beiträge Gedenkschrift zum hundersten Geburtstag von Kurt Horedt*. Cluz-Napoca, 2014. P. 253–268.
42. Curta F. The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube. Cambridge, 2013.
43. Curta F. The Slavic lingua franca. *East Central Europe*. 2004. Vol. 31. Is. 1. January. Pp. 125–148.
44. Daim F. Byzantine belt ornaments of the 7th and 8th centuries in avar contexts. *British Museum Research Publications № 178*. Oxford, 2010. Pp. 61–71.
45. Dietrich F.-E.-Ch. Runeninschriften eines gothischen Stammes auf den Wiener Goldgefäßen des Banater Fundes. Wien, 1866.
46. Diringen D. The alphabet. L., 1948.
47. Grabar A. Quelques observations sur le trésor de Nagy-Szent-Miklós. *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1968. № 2. Pp. 250–261.
48. Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1886.
49. Hosszu G. Heritage of scribes: The relation of rovas scripts to Eurasian writing systems. Budapest, 2012.
50. Looijenga T. The runic inscription of Lețcani. *Archeologia Moldovei XIX*. 1996. P. 261–264.
51. Looijenga T. Runes around the North Sea and the Continent AD 150–700. Groningen, 1997.
52. Looijenga T. Texts & contexts of the oldest runic inscriptions. Leiden – Boston, 2003.
53. Mees B. The Celts and the origin of the runic script. *Studia neophilologica*. 1999. Vol. 71. Pp. 143–155.
54. Mees B. The northern Etruskan thesis of the origin of the runes. *Arkiv för nordisk filologi (Lund university)*. 2000. Vol. 115. Pp. 33–82.
55. Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Karolini aevi (IV) Berolini, MCMXXV.

56. Nemeth G. Les inscriptions du trésor de Nagyszentmiklós. *Revue des études hongroises*. 1933. № 11. Pp. 5–38.
57. Németh J. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform cripts of Eastern Europe. *Acta Linguistica Academiae Scientifica Hungaricae*. 1971. Vol. 21. № S. Pp. 1–52.
58. Pauli. *Historia Langobardorum*. Lib. V. Hannoverae, 1878.
59. Róna-Tas A. The treasure of Nagyszentmiklós: A golden contribution to the reconstruction of history. Introduction. Pp. 6–9. URL: <http://www.academia.edu/101108011>.
60. Spinei V. The Romanian and the Turkic nomads north of the Danube delta from the tenth to the mid-thirteen century. Leiden – Boston, 2009.
61. Szalontai C., Karoly L. Runiform fragments of the late Avar period from Hungary. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2013. Vol. 66 (4). Pp. 365–396.
62. Thomsen V. Une inscription de la trouvaille d’or de Nagy-Szent-Miklós. København, 1917.
63. Tryarski E. Some novelties of the Runica Bulgarica. *Studia Orientalia* 87. Helsinki, 1999. Pp. 263–274.
64. Vida T. Conflict and coexistence the local population of the Carpatian basin under Avar rule. *The other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans*. F. Curta (ed.). Series: East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2. Brill, 2007. Pp. 13–46.
65. Wladár R. A nagyszentmiklósi kincsletet feliratainak megfejtése. Budapest, 1921.

Сведения об авторе / About the author

Виноградов Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук; независимый исследователь

Alexey E. Vinogradov – PhD in History; independent researcher

E-mail: alwynor@mail.ru